

Редъярд Киплинг

Deux ex machina

Редъярд Киплинг

Три солдата (сборник)

*Часть сборника
Три солдата (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг
Deux ex machina
Серия «Три солдата»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648351

Аннотация

«„Невыразимые“ давали бал. Они взяли у артиллеристов семифунтовик, увили его лаврами, натерли пол для танцев, так что он стал гладким, как лед, приготовили такой ужин, какого никто никогда не едал, и у дверей комнаты поставили двух часовых, поручив им держать подносы с программами. Мой друг, рядовой Мельваней, был одним из этих часовых, так как он принадлежал к числу самых рослых малых в полку. В разгаре танцев часовых освободили, и Мельваней пошел помогать сержанту, который заведовал ужином...»

Редьярд Киплинг

Deux ex machina

* * *

Ударь мужчину, помоги женщине, и вряд ли ты поступишь несправедливо.

Одно из многих изречений рядового Мельваней

«Невыразимые» давали бал. Они взяли у артиллеристов семифунтовик, увидели его лаврами, натерли пол для танцев, так что он стал гладким, как лед, приготовили такой ужин, какого никто никогда не едал, и у дверей комнаты поставили двух часовых, поручив им держать подносы с программами. Мой друг, рядовой Мельваней, был одним из этих часовых, так как он принадлежал к числу самых рослых малых в полку. В разгаре танцев часовых освободили, и Мельваней пошел помогать сержанту, который заведовал ужином. Не знаю, сержант ли отдал, или Мельваней взял, одно верно: во время ужина я увидел, что на крыше моей кареты сидят Мельваней и рядовой Орзирис с большим куском окорока, с караваем хлеба и с половиной страсбургского пирога, а также с двумя бутылками шампанского. Поднимаясь на карету, я услышал, как Мельваней говорил:

– Еще хорошо, что танцы бывают реже, чем дежурства,

не то, честное слово, Орзирис, сынок мой, я не был бы, как говорится, лучшей жемчужиной в короне полка, напротив, осрамил бы его.

– Передай-ка мне любимое зелье полковника, – сказал Орзирис. – Но почему ты клянешь свою порцию? Это пенистое пойло – недурная штука.

– Ах ты, невежественный дикарь: пойло! Шампанское мы пьем, пойми – шампанское! И я совсем не против него. Вся беда в истории с маленькими кусочками черной кожи. Знаю, что из-за них я к утру буду совсем болен. И что это такое?

– Гусиная печенка, – сказал я, поднимаясь на крышу кареты. Я знал, что сидеть с Мельванеем интереснее, чем танцевать.

– Гусиная печенка? Вот что! – сказал Мельваней. – Право, я думаю, следовало бы вырезать печенку из сержанта Меллинса. В жаркие дни и холодные ночи у него уйма печенки. Целые бочки! И он говорит: «Сегодня я весь печенка», – и посылает меня на десять дней в карцер за самый крошечный стаканчик, который когда-либо вливал в себя хороший солдат.

– Мельваней взяли под арест, когда он вздумал купаться во рву форта, – пояснил мне Орзирис. – Он находил, что, на взгляд всякого богобоязненного человека, в баррацких бочонках для воды слишком много пива. Еще тебе повезло, Мельваней, ты легко отделался.

– Ты находишь? А мне сдается, что со мной поступили

жестокое в сравнении с тем, что я делал прежде, в те дни, когда мои глаза видели яснее, чем теперь. Боже ты мой, сержант пришил меня! Это меня-то, который спас репутацию человека лучше его. Он поступил гнусно, и это доказательство власти зла.

– Бросьте толки о власти зла, – сказал я. – Чью репутацию вы спасли?

– Можно пожалеть, что не свою собственную, но я вечно хлопотал о других больше, чем о себе. И всегда я был такой, всегда совал нос в чужие дела. Ну, слушайте. – Он устроился поудобнее. – Я вам расскажу. Понятно, без настоящих фамилий, так как в дело была замешана офицерская леди; не скажу я вам также, где произошло дело; место может выдать человека.

– Ладно, – лениво протянул Орзирис, – видимо, будет запутанная история.

– Во времена оны, как говорится в книжках, я был рекрутом.

– Да неужели? – насмешливо сказал Орзирис. – Это удивительно!

– Орзирис, – произнес Мельваней, – попробуй еще раз открыть рот... и я, извините, сэр, я схвачу тебя за штаны и швырну!

– Хорошо, молчок! – ответил Орзирис. – Так что же случилось, когда ты был новобранцем?

– Я служил лучше, чем ты, но не в том дело. Скоро я воз-

мужал, ах, каким же молодцом был я пятнадцать лет тому назад! Меня звали «Бык Мельваней», и, ей-ей, я нравился женщинам, они так и льнули ко мне. Честное слово!.. Орзирис, эй ты, малыш, чего скалишь зубы? Не веришь, что ли?

– Нет, нет, – сказал Орзирис, – но я уже слышал это.

В ответ на его дерзость Мельваней только высокомерно махнул рукой и продолжал:

– Офицеры полка, в котором я служил, были истыми офицерами; все – благородные люди, воспитанные, с такими хорошими манерами, каких теперь не увидишь. Все были хороши, кроме одного капитана. Скверная выправка, слабый голос, некрепкие ноги... А эти три вещи – признаки плохого служаки. Запомни это, Орзирис, мой сынок!

У нашего полковника была дочь; одна из тех овечек, которые точно шепчут: «Ах, подними меня и неси на руках, не то я умру». Такие создания – настоящая добыча для людей, вроде капитана; и он вечно вертелся около нее, ухаживал за ней, хотя полковник то и дело повторял дочке: «Пожалуйста, милочка, подальше от этого животного». Тем не менее отец не решался отослать ее куда-нибудь подальше от греха: он давно овдовел, и кроме нее у него не было никого.

– Погодите, Мельваней, – остановил я рассказчика, – как вы узнали все это?

– Как? – презрительно крикнув, сказал Мельваней. – Правда, я, стоя на дежурстве, обращаюсь в деревянный чурбан, но разве из-за этого я должен, как слепой, держать...

держат канделябр в руке, пока вы собираете карты, разве не смею видеть и чувствовать? Нет, я вижу все. На дежурстве, когда мои настоящие глаза смотрят в одну точку, у меня на спине, в башмаках и в коротких волосах на затылке сидят другие глаза. Откуда я знаю? Поверьте слову, сэр: в полку всегда известно все и еще больше, чем все; в противном случае, к чему годился бы сержант офицерской столовой? Зачем также жена этого сержанта купала бы майорского ребенка? Одним словом, вот что: капитан имел плохую выправку, отчаянно плохую, и, в первый раз окинув его взглядом, я сказал себе: «Ах ты, бентамский петушок из милиции! Петушок из Госпорта! (Он явился к нам из Портсмута.) Придется тебе пообрезать гребешки; это я-то думаю, и, по милости Божьей, Теренс Мельваней обстрижет их».

Вот он принялся кружить около дочери полковника, мурлыкал, напевал и выделявал всякие шуры-муры, а эта невинная бедняжка смотрела на него, точь-в-точь как комиссариатский бык на полкового повара. У него были скверненькие, торчащие черненькие усишки, и каждое-то слово он закручивал и изворачивал. Ох! Это был хитрый человек и по природе лгун. Есть прирожденные лгуны. Вот и он был таким. Я знал, что он по уши в долгу; кроме того, знал я о нем еще много разных разностей, но из уважения к вам, сэр, умолчу о них. Часть известного мне знал и полковник; он не хотел иметь с ним дела, и, судя по тому, что произошло позже, капитан подозревал это.

Вот раз офицеры и офицерские леди, вероятно со скуки, а то они не затеяли бы ничего подобного, решили устроить любительский театр. Вы много раз видели эти зрелища, сэр, и знаете, что это плохая забава для тех, кто сидит на заднем ряду и колотит ногами о пол, ради чести своего полка. Мне приказали быть за сценой, тащить это, поднимать то. Дело было нетрудное и даже приятное, благодаря пиву и девушке, одевавшей офицерских леди... (Она умерла в Аггра, двенадцать лет тому назад.) Они играли штуку, которая называется «Обрученные»; вы, может, слышали о ней? И дочь полковника представляла горничную. А капитан был малым по имени Брум, Сприт Брум звали его в пьесе. Тогда-то я и увидел то, чего не замечал раньше, а именно, что он не джентльмен. Они слишком много бывали вместе, эти-то двое! И все шушукались, прячась за декорациями, которые я менял; кое-что я слышал, и мне хотелось, до смерти хотелось, обрезать ему гребешок. Он все шептался с ней, уговаривал ее согласиться на какой-то скверный план; она пыталась противиться; только видно было, что воли у нее немного. Удивляюсь, право, что в те дни мои уши не выросли на целый ярд, я так усердно слушал! Но я делал вид, что ничего не замечаю; поднимал одну вещь, опускал другую; все как полагалось, и, думая, что я не могу слышать, офицерские леди говорили между собой: «Какой услужливый молодой человек этот капрал Мельваней». Я был тогда капралом. После меня понизили, но все равно, в свое время я был капралом.

Хорошо-с, дело шло, как обыкновенно при любительских представлениях, и хотя я подозревал многое, но только во время репетиции в костюмах мне стало ясно, что эти двое – негодяй и дурочка (какой ей и полагалось быть) – решились на «уклонение».

– На что? – спросил я.

– На уклонение. Вы называете это побегом. Исключая те случаи, когда все совершается по правилам, – отвратительно и грязно увозить от родителей единственную дочь, девушку, которая сама себя не понимает. В комиссариате был сержант, и он объяснил мне, что такое уклонение. Я вам расскажу...

– Продолжай об этом проклятом капитане, Мельваней, – прервал его Орзирис, – комиссариатские сержанты дело неинтересное.

Мельваней признал справедливость его замечания и продолжал:

– Я понимаю, что ни полковник, ни я не дураки; меня считали самым бойким солдатом в полку, а полковник был лучшим командиром в целой Азии. Итак, все, что говорили он или я, было сущей правдой. Мы оба знали, что капитан дурной человек, но по причинам, о которых я уже раз умолчал, мне было известно больше, чем моему полковнику. Я, скорее, исколотил бы капитана прикладом моего ружья, чем позволил бы ему украсть девушку; все святые знают, что, женится он на ней или не женится, ей все равно пришлось бы мучиться, и, во всяком случае, вышел бы дьявольский скан-

дал. Но я никогда не поднимал руку на своего офицера... Однако теперь, вспоминая о прошлом, считаю это чудом.

– Мельваней, светает, – сказал Орзирис, – а мы не ближе к делу, чем были в самом начале. Одолжи мне свой кисет. В моем – труха.

Мельваней подал ему свой кисет, набил заново и собственную трубку.

– Последняя репетиция подходила к концу. Меня мучило любопытство, и потому я остался за кулисами, когда декорации сменили. Я лежал под какой-то штукой с нарисованным коттеджем и распластался, как мертвая жаба. Эти двое шептались; она вздрагивала и хватала ртом воздух, точно только что вытащенная на берег рыба. «Уверены ли вы, что все готово?» – говорит он или произносит «слова подобного значения», как выражаются во время военных судов.

– Верно, как смерть, – говорит она, – только мне кажется, мы поступаем ужасно жестоко по отношению к моему отцу.

– К черту вашего отца, – говорит он или что-то в этом роде. – Все устроено, все ясно. По окончании дела Джунги подаст карету, вы преспокойно приедете на станцию к двухчасовому поезду; а в вагоне буду я с вашей одеждой.

«Ага, – думаю, – значит, в дело замешана ее айя (туземная няня). Айи – ужасно скверная вещь. Не связывайтесь с ними!» Тут капитан принялся умасливать бедняжку, а тем временем офицеры и офицерские леди ушли; свет потушили. Для объяснения «теории бегства», как говорят мушкетеры

ры, вам следует узнать, что после дурацких «Обрученных» разыгрывали пьеску под названием «Парочки», в которой речь шла о «парочках» того или иного рода. Девушка играла в ней, капитан – нет. Я подозревал, что после окончания пьесы он отправился на станцию с ее вещами. Меня особенно беспокоили эти вещи; ведь я знал, как неприлично офицеру, капитану, шататься по свету с бог знает каким «трузо» на руках, что это вызовет сплетни.

– Погоди, Мельваней. Что это за «трузо»? – спросил Орзирис.

– Сын мой, ты невежественный парень. Когда девушка выходит замуж, ее наряды и все остальное называются «трузо». [*Trousseau – приданое (фр.)*.] То же самое бывает, когда она бежит, хотя бы с самым отъявленным негодяем во всех списках армии.

Итак, я придумал план кампании. Дом полковника стоял на расстоянии добрых двух миль от театрального барака. Наступило время спектакля. «Денис, – говорю я моему черному сержанту, – если ты меня любишь, одолжи мне на время твою одноколку, потому что у меня сердце не в порядке, и ноги мои разболелись от хождения взад и вперед». И Денис дал мне одноколку, а в нее был запряжен прыгающий, брыкающийся рыжий конь. Когда все приготовились к первой сцене «Обрученных» (она была очень длинная), я выскользнул из барака и шмыгнул в экипаж. Мать небесная! Задал я рыжему жару, и он влетел во двор полковника, как дьявол,

на задних ногах. Дома были только слуги; я прокрался к черному ходу и встретил айю.

– Ах ты, бесстыдная черная Иезавель, – говорю я ей, – ты за пять рупий продаешь честь своего господина; уложи-ка всю одежду мисс-сахиб, да живей! Это приказание капитана-сахиба. Мы едем на станцию. – Замолчав, я прижал свой палец к своему же носу с видом отчаянного плута.

– Хорошо, – сказала айя; тут я окончательно убедился, что она в заговоре, принялся говорить этой корове все сладости когда-либо слышанные мной на базарах, и попросил ее торопиться. Пока айя укладывала вещи, я стоял возле дома и покрывался потом: ведь в театре ждали, чтобы я сменил декорации для второй сцены, и я отлично знал это. Ну, признаюсь, для бегства молодой девушки нужно собрать столько же вещей, сколько берет целый полк для перехода. «Да помогут святые рессорам Дениса, – подумал я, навалив на одноколку все эти узлы да тюки, – потому что от меня им не ждать пощады».

– Я тоже еду, – сказала айя.

– Нет, не едешь, – отвечаю я, – приедешь позже. Жди. Я скоро вернусь и принесу тебе денег. Ах ты, мародерка, и... – все равно, как я назвал ее еще.

Тогда я отправился, и по особому приказу Провидения... поймите, я делал хорошее дело... – рессоры Дениса выдержали. «Когда капитан пойдет за вещами, – подумал я, – он будет волноваться». В конце «Обрученных» капитан сел в

свой кабриолет и поехал к дому полковника, а я сидел на лестнице и смеялся. Раза два-три я заглядывал в театральный барак, чтобы посмотреть, как продвигается маленькая пьеса; когда же она подошла к концу, я шмыгнул за дверь, остановился между экипажами и очень тихо позвал: «Джунги!» Одна карета тотчас двинулась, и я махнул рукой кучеру. «Отъезжай», – сказал я, и он поехал прочь. Когда я нашел, что достаточно отъехали, я прямо-прямохонько хватил его по переносице; он повалился с таким журчанием в горле, какое слышишь в пивном котле, когда в нем мало жидкости. Я побежал к своей одноколке, захватил все вещи мисс и втиснул их в карету. А пот так и катился по моему лицу. «Скорее домой, – сказал я первому попавшемуся мне саису. – Надо подобрать одного человека. Он тяжело болен. Уволоки его подальше. И если ты скажешь хоть слово о том, что увидишь, я измолочу тебе лицо так, что твоя собственная жена не поймет, кто перед ней». Я услышал топот ног. Значит, пьеса кончилась, и я побежал опускать занавес. Вот все вышли. Девушка спряталась за одним из столбов крыльца и сказала: «Джунги», да таким тихим голосом, что и заяц не испугался бы. Я кинулся к карете Джунги, схватил с козел старую лошадиную попону, завернул в нее свою голову и все остальное тело и поехал к тому месту, где стояла дочь полковника.

– Мисс-сахиб, – говорю. – Вы на станцию? Приказание капитана-сахиба. – Не проронив ни слова, она уселась между своими вещами.

Я подобрал вожжи, как паровоз, полетел к ее дому и приехал туда раньше, чем вернулся полковник. Девушка подняла крик, и я думал, что она умрет; из дома выбежала аяя и принялась болтать о том, что капитан приезжал за вещами и отправился на станцию.

– Вынимай багаж, чертовка! – говорю я ей. – Не то я тебя зарежу.

Показались фонари экипажей, которые ехали от театрального барака; они двигались через учебную площадку. Боже, как работали эти женщины, мисс и ее аяя, перетаскивая в дом тюки и чемоданы. Мне смерть как хотелось им помочь, но я удержался, не желая, чтобы меня узнали; я сидел, закутанный в попону, кашлял и благодарил всех святых за то, что стояла безлунная ночь.

Когда вещи снова были в доме, я даже не попросил бакшиша, а, потушив фонари своей одноколки, помчался в противоположную сторону от экипажей. Вдруг я увидел валявшегося на дороге негра и соскочил с козел, чуть не наехав на него. Право, мне казалось, что в эту ночь Провидение за меня. Это был Джунги; его нос совсем расплющился; он весь онемел, окоченел. Вероятно, его скинули с козел. Мошенник скоро очнулся. «Тс!» – сказал я ему, но он завыл.

– Ах ты, ком черной грязи, – прошипел я, – так-то ты правишь своим гхарри? Карета должна была ехать чуть ли не к границе страны, а ты валяешься, как свинья! Поднимайся, кабан! – Я повысил голос, услышав стук кабриолета. – Под-

нимись да зажги фонари, не то тебя задавят. – Мы с ним были на дороге к станции.

– Что это здесь, черт возьми? – раздался голос капитана, и я понял, что он в бешенстве.

– Пьяный кучер гхарри (кареты), сэр, – ответил я. – Я видел, как гхарри неся через лагерь, а теперь отыскал и пьяницу.

– А! – сказал капитан, – а как его зовут? – Я наклонился и сделал вид, что слушаю.

– Он говорит, что его зовут Джунги, сэр.

– Подержи-ка мою лошадь, – сказал капитан своему кучеру, соскочил на дорогу и принялся хлестать Джунги. Офицер обезумел от злости и ругался, как грубиян, каким он и был всегда.

Мне показалось, что капитан убьет Джунги, а потому я сказал: «Довольно, сэр, не то вы его заколотите до смерти». Тогда все бешенство офицера обратилось на меня, и он загнал меня проклятиями в ад и таким же способом выгнал оттуда. Я держал под козырек и стоял навтыжку.

– Сэр, – сказал я, – у каждого человека в этом мире есть свои права; и сдается мне, что многих исколотили бы прямо всмятку за сегодняшние дела... которые, как вы видите, сэр, не удались. «Теперь, – подумал я, – ты, Теренс Мельваней, сам перерезал себе горло, потому что он ударит тебя, а ты собьешь его с ног во спасение его души и навлечешь на себя вечный позор».

Но капитан не вымолвил ни слова. Он бросил Джунги, сел в своей кабриолет и уехал, не сказав мне «до свидания», а я вернулся к баракам.

– А что же было потом? – в один голос спросили мы с Орзирисом.

– Это все, – ответил Мельваней. – Никогда ни слова не слышал я больше об этой истории. Я узнал, что они не убежали, а только этого мне и хотелось. Ну, теперь сами посудите, сэр, неужели десятидневный арест – надлежащее обращение с человеком, который поступал так, как я?

– Во всяком случае, – заметил Орзирис, – в этот раз дело не шло о полковничьей дочери, и ты был сильно под хмельком, когда старался вымыться в канаве форта.

– Вот уж это, – допивая шампанское, произнес Мельваней, – совершенно лишнее и дерзкое замечание.